

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). С. 39–53.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2023. Vol. 3 (76). P. 39–53.

Научная статья
УДК 94(470)“16/18”
doi: 10.54398/1818510X_2023_3_39

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В СТРУКТУРЕ ПРОМЫШЛЕННО-ПРОМЫСЛОВОГО ХОЗЯЙСТВА
ВОЛГО-КАСПИЙСКОГО РЫБОЛОВНОГО РАЙОНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Виноградов Сергей Владимович¹, **Кулакова Наталия Игоревна²**

^{1,2} Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, г. Астрахань,
Россия

¹ dissovvetdm@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-6601-4363>

² vol-na1986@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0363-2797>

Аннотация. Анализируется роль трудовой миграции в структуре промышленно-промыслового хозяйства Волго-Каспийского рыболовного района (ВКРР) в конце XIX – начале XX в. Акцент исследования делается на социально-экономических проблемах таких групп трудовых мигрантов, как промысловые рабочие, мелкие предприниматели и ловцы. Источниками, положенными в основу данной работы, стали архивные документы по истории миграции в ВКРР из фондов Государственного архива Астраханской области, нормативно-правовые документы из собраний законов Российской империи, статистические данные, опубликованные исследователями рыбного промысла региона во второй половине XIX – начале XX в. На основе изученного материала авторы приходят к выводу, что социально-экономические последствия государственной миграционной политики в изучаемый период носили противоречивый характер. С одной стороны, изменения в правилах рыболовства, предпринятые правительством в середине 1860-х гг. на фоне отмены крепостного права, привели к значительному всплеску трудовой миграции в регион и, соответственно, росту самовольных поселений в низовьях Волги и на побережье Каспийского моря, где селились ловцы и промысловые рабочие. С другой стороны, власти, несмотря на многолетние предпринимаемые усилия, не смогли узаконить такие поселения, создавая тем самым множество социальных проблем для их жителей. Непоследовательной и противоречивой в изучаемый период представляется деятельность властных структур по отношению к монополистам в рыбной промышленности региона. Используя юридически спорные положения Устава Каспийских рыбных и тюленьих промыслов 1865 г., крупные рыбопромышленники, скупив рыбные промыслы в низовьях Волги, фактически обеспечили себе монополию по добыче рыбы в ВКРР. Правительство, хотя и пыталось бороться с привилегированным положением крупных рыбопромышленных фирм, например, поощряя конкуренцию через поддержку доступного небогатым слоям населения бударочного лова, тем не менее не смогло справиться с монополистами и их негативным влиянием на развитие рыбного промысла.

Ключевые слова: Каспийское море, Волга, Волго-Каспийский рыболовный район, Астрахань, миграция, мигрант, предприниматель, монополист, рыбный промысел, рыба, лов, рыбодобыча

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00547 «Модель регулирования трудовой миграции в Российской империи в 1861–1914 гг. (на примере формирования промышленно-промысловых кластеров Волго-Каспийского рыболовного района)» (<https://rscf.ru/project/23-28-00547/>).

Для цитирования: Виноградов С. В., Кулакова Н. И. Трудовая миграция в структуре промышленно-промыслового хозяйства Волго-Каспийского рыболовного района в конце XIX – начале XX в.: социально-экономический аспект // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). С. 39–53. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_3_39.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

LABOR MIGRATION IN THE STRUCTURE OF THE INDUSTRIAL AND FISHING ECONOMY
OF THE VOLGA-CASPIAN FISHING REGION IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES:
SOCIAL AND ECONOMIC ASPECTS

Sergey V. Vinogradov¹, Nataliya I. Kulakova²

^{1, 2} Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

¹ dissovetdm@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6601-4363>

² vol-na1986@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0363-2797>

Abstract. The article studies the social effects of the implementation of state migration policy using the example of such population groups as industrial workers, small entrepreneurs and catchers, who mainly became those who arrived in the late 19th and early 20th centuries. migrants. The sources underlying this study were archival documents on the history of migration to the Volga-Caspian Fishing Region (VKRR) from the funds of the State Archives of the Astrakhan Region, regulatory documents from the Collection of Laws of the Russian Empire related to the topic under study, various materials and statistical data, published by researchers of the Volga-Caspian fishery in the second half of the 19th – early 20th centuries. Based on the material studied, the authors come to the conclusion that the social consequences of state migration policy during the period under study were contradictory. On the one hand, legislative changes in fishing rules undertaken by the government in the mid-1860s, against the background of the abolition of serfdom, led to a significant surge in labor migration to the region and, accordingly, the growth of unauthorized settlements in the lower reaches of the Volga and on the coast of the Caspian Sea, where catchers and fishing workers settled. On the other hand, the authorities, despite many years of efforts, were unable to legalize such settlements, thereby creating many social problems for their residents. The activities of government structures in the legislative sphere were inconsistent and contradictory. Using the legally controversial provisions of the Charter of the Caspian fisheries and sealing industries of May 25, 1865, large fishing companies, having bought up fisheries in the lower reaches of the Volga, became monopolists in the industrial production of the most valuable species of fish, in particular, Caspian herring. The government, although it struggled with a similar situation in the fishing industry, for example, by encouraging competition through supporting boat fishing, which was accessible to the poor, was nevertheless unable to cope with fishing monopolies and their negative impact on the development of fishing.

Keywords: Caspian Sea, Volga, Volga-Caspian fishing area, Astrakhan, migration, migrant, entrepreneur, monopolist, fisheries, fish, hunting, fishing

Acknowledgments: this work has been supported by the grants the Russian Science Foundation № 23-28-00547 “Model of regulation of labor migration in the Russian Empire in 1861–1914 (by the example of the formation of industrial and commercial clusters of the Volga-Caspian fishing region)”, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00547/>.

For citation: Vinogradov S. V., Kulakova N. I. Labor migration in the structure of the industrial and fishing economy of the Volga-Caspian fishing region in the late 19th – early 20th centuries: social and economic aspects. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 3 (76), pp. 39–53. https://doi.org/10.54398/1818510X_2023_3_39.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Ловецкие посёлки, населённые «вольными мигрантами», стали стихийно создаваться в низовьях Волги и на северном побережье Каспийского моря со второй половины XVIII в. [7; 8; 30]. В этих местах были сосредоточены значительные рыбные ресурсы, а десятки волжских рукавов, притоков и ильменей (озёр) представляли естественную защиту для беглецов от нападений кочевников. Основным занятием жителей таких поселений был лов рыбы, а отсюда самоназвание их обитателей – ловцы. Состав ловецкого населения ВКРР был весьма разнообразен. В основном это были выходцы из поволжских (Костромской, Нижегородской, Самарской, Пензенской) и центральных (Тамбовская, Рязанская, Калужская) губерний, мигрировавшие в ВКРР для заработка, а затем оседавшие на постоянное место жительства. Морские ловцы проживали в сёлах, располагавшихся в дельте Волги, на западном побережье Каспийского моря

(современные Республика Калмыкия и северная часть Республики Дагестан), а также в устье Урала (современный Казахстан) [24, л. 82–95; 25, л. 15–18]. В последующем новые волны мигрантов устраивались на работу в ловецкие хозяйства наемными работниками. В 1913 г. в ВКРП насчитывалось более 200 тыс. ловцов (без учёта членов их семей). По месту лова и оснащению ловцы подразделялись на две группы: речные и морские. В 1905 г. большая часть ловецкого населения (70,4 %) занималась морским промыслом и лишь 29,6 % – менее прибыльным, речным, ловом [33, с. 7–8].

Источники

Основными источниками написания статьи послужили материалы из фондов Государственного архива Астраханской области (ГААО) и нормативно-правовые документы из Полного собрания законов Российской империи, касающиеся развития рыбного промысла. Из архивных материалов, использованных в статье, следует отметить протоколы общих собраний Управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов (1886–1901 гг.), записки о происхождении самовольных посёлков Астраханской губернии, рапорты смотрителей рыболовных участков о лицах незаконно занимавших земли береговой полосы, протоколы сельских сходов о выдаче денежных сумм из ловецких касс, списки лиц, самовольно поселявшихся в ловецких поселениях, сведения о рыболовных участках калмыцких рыболовных вод, прошения и заявления частных лиц об определении их стражниками на рыболовные участки и рапорты смотрителей о работе стражников, сведения о рыболовных промыслах и численности рабочей силы и др. Эти документы отражают процессы освоения и заселения мигрантами территории ВКРП, особенности взаимодействия ловецкого сообщества с властью и крупными рыбопромышленниками, социально-экономические проблемы ловцов, мелких предпринимателей и промысловых рабочих в конце XIX – начале XX в.

Обсуждение

Несмотря на имеющееся значительное научное наследие второй половины XIX – начала XX в., посвящённое изучению различных аспектов развития ВКРП, можно констатировать, что современников не особенно интересовали социально-экономические проблемы заселявших эту территорию мигрантов. Не считая фрагментарных сведений, разбросанных по отдельным архивным документам, определённое представление о социальных проблемах переселенцев дают работы учёных, изучавших рыбный промысел ВКРП: К. Н. Лебедева, А. Шульца, А. М. Никольского, Н. А. Бородина [9; 39; 41; 49]. Дальнейшее развитие исследования социально-экономических проблем мигрантов ВКРП получили в период нэпа в работах Ф. П. Зыкова, П. Юдина, К. А. Кисилевича. В основном они были опубликованы на страницах краеведческих изданий 1920-х гг. «Наш край» и «Астрахань и Астраханский край» [31–33; 50].

На современном этапе ряд историков касались изучаемой темы в контексте собственных исследований. Процессы перехода к оседлому типу ведения хозяйства у калмыков XIX – начала XX в. рассматривались в работах А. Н. Команджаева [35–37], Е. Н. Бадмаевой [2; 4; 42], В. В. Батырова [3; 5], Д. В. Амаевой [1]. Проблемы перехода кочевников Северного Прикаспия к рыболовству во второй половине XIX – начале XX в. изучал в своих работах С. С. Белоусов [6–8]. Развитие поземельных отношений в Нижнем Поволжье (Астраханской и Саратовской губерниях) в контексте имперской переселенческой политики являлось предметом изучения И. В. Кузьминой [13; 38]. История соляного промысла в Астраханской губернии в XIX – начале XX в. была отражена в статьях М. М. Хайрлаповой, Т. В. Юдиной [47; 48].

Результаты

Первые ловецкие поселения в XVIII в. были небольшими и носили временный характер. Отчасти это было связано с неясным социальным статусом их обитателей, которые, несмотря на относительную свободу и лояльность власти, всё же опасались возможных репрессий с её стороны и подолгу не закреплялись на одном месте. Но важную роль играл и природный фактор. Мигранты, первоначально не понимая особенностей разлива волжских притоков, частых изменений их течений, ошибались

в выборе места для строительства поселений. Поэтому через какое-то время, убедившись в его непригодности, они покидали насиженные места, начиная обустриваться на новом месте [31, с. 120].

В пореформенный период, с выделением Правительством в свободное хозяйственное пользование одноверстной береговой полосы Северного Каспия, на этой территории стали самовольно появляться ловецкие поселения. Среди таких поселений в Астраханской губернии наиболее крупными в 1890-е гг. являлись посёлки: Брянск (759 чел.), Разбугорье (592 чел.), Вахромеев (935 чел.), Бирючья Коса (618 чел.), Каралат (2 475 чел.), Зеленга (796 чел.), Цветное (1 196 чел.), Тишково (2 414 чел.) и др. [23, л. 10].

Инфраструктура самовольных ловецких поселений (культурная, санитарная, образовательная и т. д.) никак не финансировалась государством, и если и существовала в отдельных наиболее богатых селениях, то только за счёт самих ловцов. При этом необходимо отметить, что жители посёлков, обладая богатым опытом организации коллективной работы в рыбном промысле, как правило, успешно самоорганизовывались, создавая дееспособные поселковые общества. Эти неформальные органы управления успешно решали посильные им местные проблемы, следили за порядком. В своих многочисленных обращениях в Канцелярию астраханского губернатора жители посёлков ходатайствовали о легализации их органов самоуправления и о придании им статуса крестьянских обществ [15, л. 87–94].

Тем не менее многие проблемы самовольных ловецких поселений, в частности их санитарное состояние, не могли быть решены жителями самостоятельно. Первоначально мигранты, лишённые какого-либо социального статуса, вынуждены были строиться безо всякого плана, временно, не имея возможности проводить ирригационные работы по осушению и облагораживанию прилегающей к поселению территории. Затем, чтобы не привлекать излишнего внимания со стороны местных властей, они вынуждены были в течение нескольких поколений ютиться на небольшом клочке земли, в поселении, которое не соответствовало санитарным требованиям [32, с. 20–21].

Из-за отсутствия легитимности и чёткого правового статуса вытекали социальные проблемы ловецких поселений. В этом отношении представляют интерес дискуссии, проходившие в Комитете Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов в середине 1880-х гг. [18, л. 121–125].

Комитет, согласно действовавшему на тот период Уставу Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов, состоял из семи представителей от правительства и девятнадцати представителей от рыбопромышленников [46, с. 541]. В силу такого разнородного представительства на заседаниях Комитета не удавалось достигнуть консенсуса по многим обсуждавшимся вопросам развития ВКРП и часто завязывались длительные дискуссии. У членов Комитета, в частности, отсутствовала единая позиция по поводу дальнейшей судьбы самовольных ловецких поселений. Так, например, старший советник Н. П. Маршев, опираясь на мнение крупных рыбопромышленных компаний, высказывался за ликвидацию таких поселений. Его мнение зиждилось на следующих соображениях. Во-первых, поселенцы воздействовали на окружающую природу морского побережья Каспия, меняя её, что, по его мнению, негативно сказывалось на рыбных ресурсах региона. Чиновник считал, что сельскохозяйственное возделывание побережья приводило к уничтожению камышовых зарослей, служащих пристанищем для многих видов насекомых, которыми, в свою очередь, питалась рыба. Во-вторых, по мнению Н. П. Маршева, ловецкие поселения представляли собой браконьерские гнёзда, жители которых регулярно нарушали бакенную систему, незаконно добывая рыбу в заповедных водах [45, с. 154–157].

Н. П. Маршеву возражал другой чиновник Комитета – К. Н. Лебедев. По его сведениям, в 1885 г. население самовольных ловецких поселений на берегу Каспия достигало достаточно внушительной цифры в 10 000 чел. Насильственное переселение такого количества людей на места их официальной приписки могло вызвать социальные волнения и ударить по развитию рыбного промысла, являвшегося важным для страны источником продовольствия.

К. Н. Лебедев считал, что наличие таких посёлков приносило значительные выгоды для экономики региона, так как их население способствовало быстрому развитию на Каспии морского рыболовства. Но чтобы развитие этих посёлков продолжалось в дальнейшем, правительство должно было узаконить ловецкие поселения, разрешить использование поселенцами близлежащих земель для ведения сельскохозяйственных работ и легализовать их поселковые органы самоуправления. Эти меры, по мнению К. Н. Лебедева, самым благоприятным образом должны были сказаться на благосостоянии береговых жителей не только этих посёлков, но и всего ловецкого населения. Что же касается угроз морской экологии со стороны поселян, то, несмотря на быстрый рост поселкового населения, его численность была весьма незначительной по сравнению с общей площадью береговой морской полосы, на которой «такие посёлки являлись маленькими точками. Всё равно громадная, подавляющая часть береговой полосы останется по-прежнему в первобытном виде, предоставляя все естественные условия для благоденствия рыбы» [45, с. 157–159].

В силу отсутствия единства мнений в органах власти по поводу самовольных ловецких поселений в прибрежной полосе, в период 1860–1900-х гг. процесс их легализации шёл медленно, через согласование сложных межведомственных противоречий, порождавших множество бюрократических проволочек [30, с. 38–39]. Ловецкие поселения располагались неподалеку от тоней. Тонями в ВКРР называли места на речном побережье, наиболее удобные для лова рыбы с помощью сетей. Рядом с тонями ловцы создавали временные пристанища – станы. Часть станов из мест отдыха ловцов преобразовывалась в более сложные рыболовные центры, располагавшие хозяйственными помещениями для засола рыбы и изготовления рыбопродуктов: балыков, визиги, чёрной икры, рыбного клея и т. д. Первые такие центры на рубеже XVIII–XIX вв. получили название вавилонов [50, с. 66], затем, в XIX – начале XX в., их стали называть ватагами [34, с. 68].

Работа в водной стихии с её быстро меняющимися условиями всегда несла опасность для людей. Наиболее распространённой причиной гибели ловцов на Каспии являлось внезапное наступление заморозков осенью и весной. При такой погоде в море быстро формировались тонкие, острые льдины, которые топили утлые ловецкие суда. Ещё одной распространённой причиной гибели и травматизма ловцов были северо-западные, северные и северо-восточные, так называемые «отбойные» шторма, приводившие в зимний период к отрыву льда от береговой полосы и отнесу значительного количества занимавшихся зимним ловом рыбаков вместе с сопровождавшими их обозами в море, с последующей гибелью большинства ловцов. Прежде всего, это было характерно для северо-западной части Каспийского моря.

Как правило, места работы ловцов находились на значительном расстоянии от их поселений, где они могли надеяться на получение помощи. Квалифицированное медицинское обслуживание ловцов в низовьях Волги и на Каспии долгое время отсутствовало, что объясняло высокий уровень смертности из-за производственного травматизма.

Во второй половине 1890-х гг. на крупных промыслах стали появляться медицинские пункты, очень актуальные для травмоопасного рыбного дела. По сведениям А. М. Никольского первый такой пункт в ВКРР появился 20 мая 1898 г. на рыбном промысле, располагавшемся недалеко от крупного ловецкого поселения Каралат Астраханского уезда. Арендатор этого промысла, В. С. Носков, по собственной инициативе предоставлял помещение для работы пункта на три летних месяца. Предприниматель также пригласил фельдшера и снабдил пункт медикаментами. В том же году медпункт был открыт рыбопромышленником И. К. Осокиным на Никитском рыбном промысле, расположенном недалеко от села Икрыное Астраханского уезда [41, с. 136].

Промысловые медицинские пункты имели небольшие стационарные отделения в пять – шесть коек и аптеку. В 1899 г. медицинский пункт с четырьмя больничными койками и аптекой открылся в Красноярском уезде в ловецком поселении Цветное.

Теоретически аптеки также должны были быть при участковых смотрительских станциях, но заболевшим ловцам обращаться к высокому начальству было весьма непросто, поэтому спросом такие аптеки не пользовались [44, с. 246]. Таков был к началу XX в. небогатый арсенал медицинских услуг на территории Волго-Каспийского рыболовного района.

Во второй половине 1890-х гг. интерес к высоким прибылям в рыбном промысле ВКРР стали проявлять частные банки, а также другие финансовые структуры. Сформировавшиеся и окрепшие за пореформенный период банки, располагая значительным капиталом, конкурируя с крупными рыбопромышленными фирмами, стремились к проникновению в рыбную отрасль. Этот процесс нашёл своё отражение прежде всего в изменениях системы закупок рыбы [40, с. 523–524].

До середины 1890-х гг. рыбопромышленные фирмы через свои промыслы, расположенные в низовьях Волги, держали монополию по приёму ловецкой добычи. Благодаря этому рыбопромышленники, через низкие закупочные цены, наживались на ловах, получая значительные прибыли. Но во второй половине 1890-х гг. ситуация в закупках рыбы стала меняться. В этот период на Каспии появилось большое количество скупщиков рыбы, финансировавшихся банкирами, которые покупали ловецкую добычу по более высоким закупочным ценам, нежели предлагали рыбопромышленники [28, л. 32]. Более того, располагая специальными лодками-прорезами, приспособленными для хранения скоропортящихся рыбных товаров и сырья, скупщики сами добирались до каждой ловецкой бригады, работавшей в море. В условиях такой конкуренции рыбопромышленники вынуждены были, в свою очередь, поднимать закупочные цены на рыбу и рыбные товары. Так, например, закупочные цены на паюсную чёрную икру с 1896 по 1898 г. выросли в два раза – с 50 до 100 руб. за пуд [41, с. 136].

Основными выгодополучателями от конкурентной борьбы банкиров с рыбопромышленниками стали ловцы, доходы которых в конце 1890-х гг., благодаря росту цен на рыбу и рыбные товары, устойчиво росли, что не могло не сказаться на улучшении их социального положения и быта.

Достижением ловецкого хозяйства стало создание двух типов судов, позволивших ему успешно развиваться в условиях борьбы с более сильными конкурентами – крупными рыбопромышленниками [10, с. 1269]. Речь идёт о стоечных судах и бударках.

С конца XVIII в. на местных верфях в Астрахани и в больших ловецких поселениях стали строить суда, с помощью которых можно было в течение длительного времени (нескольких месяцев) осуществлять добычу рыбы в Каспийском море. Такие суда стали называть стоечными, или стойками. Вначале это были большие лодки, предназначенные для плавания в устье Волги и прибрежных морских, черневых водах. Но по мере развития ловецкого хозяйства и выхода на морской лов стойки стали приспособлять под добычу рыбы в море. На протяжении первой половины XIX в. ловцы постоянно улучшали конструкцию этого судна, доведя его к середине века до определённого совершенства [31, с. 126]. По свидетельствам современников, стойка являлась самым лучшим на Каспийском море рыболовным судном, рассчитанным на длительное пребывание в открытом море [49, с. 33–34]. Благодаря использованию стоечных судов ловцы и рыбопромышленники в начале XIX в. сумели освоить глубоководный эмбенский лов, то есть добычу рыбы в Каспийском море напротив устья р. Эмбы, который отличался стабильно высокими уловами [11, с. 1571].

Расходы на снаряжение стоечного судна с двумя сопровождающими его лодками (подчалками), с которых производился лов рыбы, и одной подъездной лодкой (для связи с берегом), обходились в 1 000–1 200 руб. за одну путину. За вычетом расходов на снаряжение, чистый доход со стоечного судна за путину составлял в среднем 500–1 000 руб. за путину. Но учитывая непредсказуемый природный фактор, такие доходы могли колебаться от нуля или даже убытка до 6 000 руб. за путину. П. И. Миккулин сообщал, что лично знал трёх морских ловцов из Икрыного (крупного ловецкого поселения, располагавшегося в Астраханском уезде), чьи команды в осеннюю путину 1886 г. заработали на эмбенском лове красной рыбы по 6 500 руб. каждая [16, л. 7].

В начале XX в. ловецкие суда стали всё дальше проникать в западную акваторию Каспийского моря, в рыболовные воды Шамхала Тарковского, объясняя это, в случае задержания рыбными инспекторами, отсутствием на границах шамхальских вод каких-либо обозначающих знаков [16, л. 5]. В конце XIX в. в Астраханской губернии эмбенским ловом занималось двенадцать морских ловцов со своими бригадами. Все ловцы были жителями ловецких поселений, расположенных в двух приморских уездах Астраханской губернии. В Астраханском уезде это были Бирючья Коса, Чаган, Ильинка, Бахтемир, Икряное, Чулпан и др.; в Красноярском уезде – город Красный Яр, поселения Каралат, Зеленга, Маково, Тишково и др. [20, л. 19].

Рабочие из бригад стоечных ловцов в основном были мигрантами из центральных и поволжских губерний. Из всех бригад, работавших в Астраханском уезде в 1896 г., только один работник возвращался на зиму домой, в Пензенскую губернию. Больше всего было уроженцев Тамбовской и Нижегородской губерний, много было рязанцев, пензенцев, симбирцев, саратовцев и т. д. и всего лишь двое рабочих были из северного Царёвского уезда Астраханской губернии [41, л. 32].

Во время путины при хорошем ходе рыбы ловцы из Астраханского уезда нанимали бригады калмыков, которые работали на своих лодках. Ловецкие бригады из Красноярского уезда имели в своем составе много рабочих «из киргизов». Русским рабочим платили 10 руб. в месяц, киргизским рабочим – 8 руб. [21, л. 2].

Если стоечное судно стало своеобразным драйвером ловецкого лова на Каспии в первой половине XIX в., то подобную роль в конце XIX – начале XX в. сыграло другое судно – бударка. Это было лёгкое многофункциональное судно, первоначально предназначённое для лова рыбы в дельте Волги. В начале XX в. насчитывалось несколько видов бударок, отличавшихся как по целевому назначению, так и по размерам. Самыми маленькими были бударки, служившие подчалками для стоечных судов. Размер такого подчалка достигал около 5 м в длину и 1,0–1,3 м в ширину. Немного больше была речная бударка, достигавшая в длину 6,0–6,5 м [49, с. 33–35]. Для черногового лова стали строить более крупные – калиберные бударки, не уступавшие по своим судоходным характеристикам другим типам рыболовецких судов, например багрушам.

В длину такие бударки стали достигать 10 м и 1,5 м в ширину. При грузоподъёмности этих судов в 4 т, они имели небольшую осадку и были приспособлены к плаванию на мелководье [49, с. 35]. Калиберные бударки имели палубу, которая позволяла использовать их не только на мелководье, но и выходить на морской простор. Палубное перекрытие оберегало судно от захлестываний во время волнений. Подчалки имели одну мачту, калиберные бударки – две: фок и грот, носивших косые паруса. Каждая бударка имела не менее двух пар вёсел и один якорь. Команда бударки, в зависимости от величины судна, могла колебаться от двух до четырёх человек. Стоимость бударок колебалась в диапазоне 17–80 руб., а с экипировкой – 25–100 руб. Средний срок службы этих неприхотливых лодок без капитального ремонта составлял десять лет, а с ремонтом доходил до двадцати лет. Строились бударки как в Астрахани, так и в крупных ловецких селениях, например в Красном Яру, Тишкове, Икряном и т. д. Но считалось, что лучшие бударки строились на Форпосте, в посёлке, расположенном на правом берегу Волги, напротив Астрахани [12, с. 34].

Команды бударочников в основном состояли из родственников, работавших и разделявших доходы от лова поровну. Реже владелец бударки нанимал в команду рабочих со стороны. В этом случае рабочий получал в год от 90 до 100 руб. в год или одну треть улова. Большинство ловцов-бударочников, работавших в чернях, использовали сети, приспособленные для лова прежде всего частиковой рыбы: судака, воблы, селёдки и т. д. Бударочники сбывали скупщикам улов в свежем виде, так как не имели возможности заниматься на своем судне посолом [22, л. 5].

Важной причиной быстрого распространения бударочного лова в ВКРП была его высокая доходность при относительно низких затратах. По данным А. М. Никольского, расходы на снаряжение калиберной бударки на период путины были доступны для большинства даже небогатых ловцов. С учетом запаса сетей и продовольствия они

составляли 30–50 руб. за путину, включая стоимость билета, дававшего право на лов. Доходность же такого лова составляла в среднем 300–400 руб. Но бывали удачные путины, когда бударочники зарабатывали такие деньги за неделю [41, л. 69].

Похожие сведения в 1895 г. опубликовал управляющий крупной частной рыболовной компанией «Синеморские рыболовные промыслы» Ф. А. Пелль. По его подсчётам, бударочники, работавшие в чернях в весеннюю путину 1893 г., выловили рыбы на 1 млн руб. При этом чистый доход на одну бударку составлял 250–300 руб. Такие суммы позволяли владельцам бударок не только оплатить текущий ремонт своего судна, но и полностью окупить расходы на покупку новой бударки [43, с. 23]. Ни один из других видов рыбного лова в ВКРР в конце XIX – начале XX в. по соотношению «доходность : затраты» не мог сравниться с бударочным.

Ещё одной причиной быстрого развития бударочного лова во второй половине 1890-х гг. стал быстрый рост мелкого частного скупа рыбы, о котором упоминалось выше. Благодаря такой системе большинство ловцов смогло снизить экономическую зависимость от крупных рыбопромышленников [41, с. 80].

Высокая доходность бударочного лова стала возможной после принятия в 1896 г. Положения Комитета министров «О дозволении лова сельди в низовьях реки Волги плавными сетями» [14]. Именно разрешение использования плавных сетей в приустьевом пространстве, до этого запрещённое, позволило бударочникам в весеннюю путину добывать значительную часть шедшей на нерест каспийской сельди [41, с. 81]. Фактически это правительственное решение ослабило сложившуюся монополию крупных рыбопромышленных фирм на добычу рыбы в низовьях Волги.

До 1896 г. три крупнейшие рыбопромышленные фирмы ВКРР сумели занять монопольное положение в добыче сельди, в тот период самой высокодоходной рыбы, путём скупки лицевых, то есть ближайших к морю, волжских тоней. На этих тонях устанавливали два невода, перекрывавших большую часть реки. В весенний период, во время хода сельди на нерест численность таких неводов достигала уже четырёх на одну тону. Ещё одной «новацией» рыбопромышленников стало устройство в низовьях Волги тоней, расположенных друг напротив друга и позволявших перекрывать большую часть пространства реки. Таким образом, владельцы лицевых тоней забирали основную часть улова, а мелким рыбопромышленникам и речным ловцам, добывавшим рыбу выше по течению, доставалась лишь малая его часть [17, л. 4]. Можно констатировать, что все подобные действия монополистов проводились на законных основаниях. Их доходы позволяли нанимать адвокатов самого высокого уровня, которые толковали Устав 1865 г. и его дополнения в нужном для рыбопромышленников направлении [41, с. 81].

После 1896 г. устоявшаяся ситуация начала быстро меняться в пользу ловцов-бударочников. Теперь их флотилии получили возможность перехватывать в море, в предустьевом пространстве, огромные косяки рыбы, отнимая их у крупных рыбопромышленников. Особой популярностью у них пользовалась всё та же сельдь [41, с. 81].

Официальные данные, по мнению современников, не содержали достоверной информации о реальном количестве бударочников, так как значительное число их осуществляло лов незаконно, не приобретая никаких билетов. Н. П. Маршев считал, что в чернях работало не менее 20 000 ловцов, из них большая часть, 14 000 чел., не приобретала билетов. Столь большое количество безбилетников объяснялось трудностью надзора за ними в прибрежных водах. В случае приближения рыбной полиции безбилетники прятались на своих бударках в многокилометровые камышовые заросли, обильно растущие в прибрежных водах. Отыскать их там небольшому наряду полицейских было практически невозможно. Но безбилетные бударочники не ограничивались ловом в чернях, выходя для лова рыбы в море [45, с. 154–157]. По сведениям Н. Н. Лебедева, у безбилетников в Северном Каспии в 1880–1890-е гг. имелись излюбленные места для лова, труднодоступные для рыбной полиции. Таковыми являлись Бабинские острова, участок побережья, называвшийся у ловцов «Камни», а у рыбной полиции – «Гуниб», Бибииков бугор, Обжоровы косы и т. д. [19, л. 18].

Официальные сведения о бударочниках, вносимых в реестр при приобретении дешёвых шестирублевых билетов на право лова в период путины, показывали, что большинство из них являлись мигрантами. Так, из 6 203 чел., купивших такие билеты на весеннюю путину 1894 г., 60 % были приезжими. Среди них были уроженцы Нижегородской, Тамбовской, Владимирской, Саратовской, Пензенской и других центральных губерний страны. Среди выходцев из Астраханской губернии большую часть бударочников составляли крестьяне и мещане из Астраханского и Красноярского уездов и крупных ловецких поселений, а также казаки из станиц, расположенных севернее Астрахани, – Замьяновской, Грачевской, Лебязинской и т. д. [41, с. 76]. В качестве самостоятельных ловцов, зарабатывавших рыбодобычей, выступали мещане городов Астрахани, Красного Яра, Еногаевска, Чёрного Яра, Царицына и Камышина, а также крестьяне приволжских селений в пределах ВКРР [9, с. 17].

Значительную часть бударочников составляли киргизы, прибывавшие на промыслы из Внутренней Букеевской орды и Уральской области. Немало было среди бударочников калмыков. Вышеприведённые данные также демонстрируют определённую тенденцию к обоседлению, начавшую проявляться во второй половине XIX в. у части кочевых народов Северного Прикаспия. Рыбный промысел для той части кочевников, которая переходила к осёдлости, становился основным источником средств к существованию.

Постепенно система бударочного лова становится привлекательной не только для речных ловцов и мигрантов из других губерний, но и для морских ловцов – владельцев стоечных судов, которые прежде всего отказывались от затратного в новой ситуации эмбенского лова. По сведениям чаганского волостного писаря П. И. Микулина, в 1894 г. в с. Икряном большая часть владельцев эмбенских лодок перешла к бударочному лову, а в с. Бахтемир было известно о 23 случаях такого перехода [41, с. 79].

Статистические данные показывают, что рост числа бударочников, официально купивших билеты для работы в предустьевом пространстве, приводил к падению улова сельди у речных рыбопромышленников [22, л. 12].

Для борьбы с бударочными флотилиями, лишавшими их доходов, рыбопромышленники были вынуждены организовывать и содержать значительные штаты частной рыбоохраны. Целый флот охранных стоечных судов, пароходов и т. д., оберегал прибрежные воды, разгоняя ловцов. Но с ростом числа бударочников их налёты на рыбные косяки в море становились всё более масштабными и дерзкими. Рыбной полицией и частным рыбоохранным предприятиям справиться с их организованными группами становилось всё труднее [9, с. 25].

Тактика работы бударочников в условиях борьбы с рыбопромышленниками была следующей. Они сбивались в ватаги по 10–15 судов в каждой. С помощью такой организации ловцы осуществляли слежку за передвижениями надзора, выставляя дозоры на прибрежных возвышенностях. В ожидании рыбы, идущей в волжские протоки, бударочники занимали все прибрежные косы и отсиживались днём в камышовых зарослях. Но как только опускались сумерки, целый бударочный флот выходил из укрытий на открытое пространство моря для лова. Дозорные, заметив приближение рыбоохраны, световыми сигналами предупреждали товарищей о приближении опасности. В этом случае ловецкие бударки быстро уходили на мелководье, где более крупные суда застревали, и ловцы, таким образом, уходили от погони [21, л. 18–19].

Ватажная организация позволяла бударочникам успешно осуществлять посолку выловленной рыбы, для чего ватагой выделялась отдельная лодка, а также наладить сбыт улова и рыбопродуктов, договорившись со скупщиками.

Чем крупнее была ватага, тем больше она имела средств на замену потерянных и изношенных сетей, что являлось очень актуальным для рыбного дела. По сведениям Ф. А. Пелля, крупное бударочное товарищество способно было без ущерба для рыбодобычи перенести потерю нескольких сот сетей в противодействии с рыбоохраной и быстро возместить потери, тратя с прибыли от 500 до 900 руб. для покупки новых сетей [41, с. 73].

У частной рыбоохраны хватало возможностей только для того, чтобы периодически освобождать от ловецких сетей входы в крупные волжские протоки (банки), а вот сети, расставленные в многочисленных затоках, отмелях, проранах, ильменях и т. д., куда не могли пройти крупные суда, оставались нетронутыми и работали на ловцов. После нескольких лет неудачной борьбы часть рыбопромышленников начала нанимать бударочные ватаги на работу, скупая их добычу.

Как правило, в ловцы и скупщики рыбы выбивались бывшие переселенцы, преуспевшие в рыбном промысле и сумевшие накопить определённые сбережения. Вновь прибывавшие в регион мигранты начинали свою трудовую деятельность в ВКРР в качестве рабочих на рыбных промыслах. Условия труда и быта там были тяжёлыми. За весенний сезон промысловые работники имели только один выходной – в первый пасхальный день. Их зарплата зависела от вида работы, её продолжительности, от времени года, пола и национальности рабочего. Часть заработной платы рабочие получали товарами через продовольственную лавку [27, л. 45–98; 29, л. 120–124]. В рыбной промышленности активно использовался женский и детский труд. Поэтому многие крестьяне приезжали на заработки в Астрахань с семьями. Так, первичной разделкой улова непосредственно на промыслах занимались женщины и дети. Женский труд по интенсивности был не легче мужского (мойка и разделка рыбы, упаковка готовой продукции), но оплачивался на треть ниже труда мужчин, подростки получали половину от заработка взрослых работников [26, л. 40–48].

Выводы

Рассмотренные социально-экономические последствия реализации государственной миграционной политики в ВКРР носили незавершённый и противоречивый характер, где достижения сочетались с провалами или затягиванием решения насущных для мигрантов вопросов.

Очень медленно, с середины XIX до начала XX в., решался вопрос о правовом положении самовольных ловецких посёлков в низовьях Волги и прибрежной полосе Каспийского моря. Отсутствие юридического статуса таких поселений порождало многочисленные социально-экономические, культурные, санитарно-бытовые проблемы для их жителей. При этом необходимо отметить, что многие их проблемы, такие как организация общественного порядка, создание медицинских пунктов и начальных образовательных школ, ловцы по возможности решали самостоятельно, не дожидаясь государственной поддержки.

Среди достижений государственной миграционной политики можно выделить тот факт, что в 1890-е гг. тысячи ловцов, как местных уроженцев, так и мигрантов в первом или во втором поколении, получили реальную возможность пользоваться рыбными богатствами Волго-Каспия. До этого времени большая доля доходов от рыбодобычи через деятельность нескольких рыбопромышленных фирм, распоряжавшихся дельтовыми промыслами, сосредотачивалась в руках крупных рыбопромышленников. Данное перераспределение стало возможным благодаря совершенствованию законодательной базы рыбного дела. Например, в 1896 г. было принято Положение Комитета министров «О дозволении лова сельди в низовьях реки Волги плавными сетями», давшее толчок в развитии бударочного лова, который стал своеобразным драйвером развития рыболовства в 1890–1900-е гг.

За счёт быстрого совершенствования бударочного лова ловцы смогли успешно конкурировать с крупными рыбопромышленными фирмами за самый прибыльный в тот период сегмент Волго-Каспийского рыболовства – добычу сельди, что положительно отражалось на росте доходов морских ловцов и, соответственно, способствовало улучшению их социально-экономического положения.

Но однозначно говорить о полной победе мелких производителей над крупными рыбопромышленниками в рамках устоявшейся государственной системы в Российской империи в исследуемый период не представляется возможным, так как крупный капитал, используя свой финансовый и лоббистский потенциал, имел возможность

склонять правительство к поддержке своих интересов. В частности, рыбопромышленники смогли обеспечить лояльность государственных структур по целому ряду юридически спорных вопросов, например монопольное владение приморскими (лицевыми) тонями, наличие тоней на противоположных берегах волжских протоков, позволявших его фактическое перекрытие рыболовными сетями, использование плавных сетей в волжских протоках и т. д.

Список литературы

1. Амаева, Д. В. Изменения в калмыцком кочевом обществе в первой половине XIX века как вектор трансформации повседневной жизни / Д. В. Амаева // *Современные проблемы науки и образования*. – 2014. – № 6. – С. 1492.
2. Бадмаева, Е. Н. К вопросу о природно-климатических факторах и переходе на оседлость калмыков-кочевников (1920–1930-е гг.) / Е. Н. Бадмаева // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2023. – № 2 (75). – С. 102–111. – doi: 10.54398/1818510X_2023_2_102.
3. Бадмаева, Е. Н. Трансформация жилища калмыков в условиях их перевода на оседлость в имперский и советский периоды / Е. Н. Бадмаева, В. В. Батыров // *Научный диалог*. – 2023. – Т. 12, № 5. – С. 409–426. – doi: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-409-426.
4. Бадмаева, Е. Н. Кочевание и седентаризация номадов Евразийской степи во второй половине XVIII – первой половине XIX в. / Е. Н. Бадмаева, Э. У. Омакаева // *Nomadic Civilization: Historical Research*. – 2022. – Т. 2, № 1. – С. 18–27. – doi: 10.53315/2782-3377-2022-2-1-18-27.
5. Батыров, В. В. Кризис системы сезонных перекочёвок в XIX в. как основной фактор перехода к полуседлому и оседлому хозяйству / В. В. Батыров // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2023. – № 2 (75). – С. 32–40. – doi: 10.54398/1818510X_2023_2_32.
6. Белоусов, С. С. Государственная власть и рыбацкие поселки на землях кочевников в Северо-Западном Прикаспии (вторая половина XVIII – XIX вв.) / С. С. Белоусов // *Былые годы*. – 2021. – № 16 (2). – С. 535–542. – doi: 10.13187/bg.2021.2.535.
7. Белоусов, С. С. Переселения крестьян на помещичьи земли в Северо-Западном Прикаспии (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.) / С. С. Белоусов // *Былые годы*. – 2021. – № 16 (3). – С. 1124–1131. – doi: 10.13187/bg.2021.3.1124.
8. Белоусов, С. С. Самовольные переселенческие рыбацкие поселки на калмыцких землях (вторая половина XVIII–XIX в.) / С. С. Белоусов // *Oriental Studies*. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 685–696. – doi: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-685-696.
9. Бородин, Н. А. Каспийско-Волжское рыболовство и его экономическое значение / Н. А. Бородин. – Санкт-Петербург : Тип. Киришбаума, 1903. – 96 с.
10. Виноградов, С. В. Трансформация государственной модели регулирования трудовой миграции на окраинные территории Российской империи в XIX в. (на примере Волго-Каспийского рыболовного района) / С. В. Виноградов, Ю. Г. Ещенко, Е. Е. Красноженова, Н. И. Кулакова // *Былые годы*. – 2023. – № 18 (3). – С. 1263–1274. – doi: 10.13187/bg.2023.3.1263.
11. Виноградов, С. В. Проблемы освоения окраинных российских территорий в XVIII в.: поиск стратегии (на примере Волго-Каспийского рыболовного района) / С. В. Виноградов, Ю. Г. Ещенко, Е. В. Савельева, О. В. Лихолет // *Былые годы*. – 2022. – № 17 (4). – С. 1564–1574. – doi: 10.13187/bg.2022.4.1564.
12. Виноградов, С. В. Формирование и развитие промышленно-промысловых кластеров Волго-Каспийского рыболовного района в 1861–1914 гг. / С. В. Виноградов, Н. И. Кулакова // *Научные труды Дальрыбвтуза*. – 2023. – Т. 64, № 2. – С. 30–38. – doi: 10.48612/dalrybvtuz/2023-64-03.
13. Воронова, А. А. К проблеме заселения Северного Прикаспия в XIX – начале XX в.: п. Лагань / А. А. Воронова, И. В. Кузьмина // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2022. – № 1 (70). – С. 9–15. – doi: 10.54398/1818-510X_2022_1_9.
14. Высочайше утвержденное Положение Комитета министров «О дозволении лова сельди в низовьях реки Волги плавными сетями» от 10 апреля 1896 г. // *ПСЗРИ*. – Санкт-Петербург : Государственная тип., 1899. – Собр. 3, т. 16 (1896), ч. 1, № 12737. – С. 270.
15. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). – Ф. 1. – Оп. 13. – Д. 200.
16. ГААО. – Ф. 194. – Оп. 1. – Д. 22.
17. ГААО. – Ф. 194. – Оп. 1. – Д. 646.
18. ГААО. – Ф. 194. – Оп. 1. – Д. 659.
19. ГААО. – Ф. 194. – Оп. 1. – Д. 966.
20. ГААО. – Ф. 194. – Оп. 1. – Д. 987.
21. ГААО. – Ф. 194. – Оп. 1. – Д. 1040.
22. ГААО. – Ф. 194. – Оп. 1. – Д. 1125.
23. ГААО. – Ф. 194. – Оп. 1. – Д. 1162.
24. ГААО. – Ф. 673. – Оп. 1. – Д. 5.
25. ГААО. – Ф. 673. – Оп. 1. – Д. 7.

26. ГААО. – Ф. 673. – Оп. 1. – Д. 8.
27. ГААО. – Ф. 675. – Оп. 1. – Д. 16.
28. ГААО. – Ф. 677. – Оп. 1. – Д. 624.
29. ГААО. – Ф. 677. – Оп. 7. – Д. 196.
30. Ещенко, Ю. Г. Проблемы обустройства вольных мигрантов в Волго-Каспийский рыболовный район в пореформенный период / Ю. Г. Ещенко, Е. Е. Красноженова // Вопросы истории. – 2023. – № 5 (2). – С. 30–43. – doi: 10.31166/VoprosyIstorii202305Statyi46.
31. Зыков, Ф. П. Астраханские морские ловцы в прошлом и современное их положение (историко-статистический очерк) / Ф. П. Зыков // Астрахань и Астраханский край. – Астрахань : Коммунист, 1924. – Сб. 1. – С. 119–150.
32. Кисилевич, К. А. К ловецкому вопросу / К. С. Кисилевич // Наш край. – 1924. – № 1. – С. 1–64.
33. Кисилевич, К. С. Рыбная промышленность / К. С. Кисилевич // Наш край. – 1924. – № 2. – С. 5–16.
34. Клыков, А. А. Краткий словарь рыбацких слов / А. А. Клыков. – Москва : Пищевая промышленность, 1968. – 120 с.
35. Команджаев, А. Н. Изменения в хозяйственной культуре кочевников Прикаспия в XIX – начале XX в. / А. Н. Команджаев // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. – 2012. – № 3. – С. 141–147.
36. Команджаев, А. Н. Кочевое хозяйство калмыков: исторический опыт и современное звучание / А. Н. Команджаев // Экономическая история. – 2011. – № 4 (15). – С. 22–25.
37. Команджаев, А. Н. Развитие сельского хозяйства в Калмыкии во второй половине XIX в. / А. Н. Команджаев, А. Н. Андропов // Вестник Калмыцкого университета. – 2013. – № 1 (17). – С. 56–63.
38. Кузьмина, И. В. Аренда земли в структуре крестьянского хозяйства в Нижнем Поволжье во второй половине XIX – начале XX в. / И. В. Кузьмина // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2016. – № 2 (47). – С. 47–55.
39. Лебедев, К. Н. О каспийском рыболовстве / К. Н. Лебедев. – Санкт-Петербург : Штаб Отд. корпуса внутр. стражи, 1863. – 132 с.
40. Мигулин, П. П. Русский государственный кредит (1769–1899). Опыт историко-критического обзора / П. П. Мигулин. – Харьков : Печатное дело, 1900. – Т. 2 : Министерство И. А. Вышнеградского. – 578 с.
41. Никольский, А. М. Астраханские морские ловцы. Статистико-экономическое описание / А. М. Никольский. – Санкт-Петербург : Морское министерство, 1898. – 178 с.
42. Омакаева, Э. У. Роль природно-климатического фактора в истории и культуре кочевых обществ Центральной Азии: феномен погоды / Э. У. Омакаева, Е. Н. Бадмаева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2023. – № 2 (75). – С. 145–151. – doi: 10.54398/1818510X_2023_2_145.
43. Пелль, Ф. А. Синеморские рыболовные промыслы / Ф. А. Пелль. – Астрахань : Тип. Рослякова, 1895. – 248 с.
44. Полонский, Г. Д. Работа фельдшерских пунктов на Астраханских рыбных промыслах / Г. Д. Полонский // Рыбное дело. – 1898. – № 14. – С. 246–248.
45. Протоколы Комитета Каспийских рыбных и тюленьих промыслов : в 7 ч. – Астрахань : Паровая новая русская типография, 1894. – Ч. 5 : 1882–1885 г. – 178 с.
46. Устав Каспийских рыбных и тюленьих промыслов от 25 мая 1865 г. // ПСЗРИ. – Санкт-Петербург : II Отдел Собст. Е. И. В. Канцелярии, 1867. – Собр. 2-е (1825–1881), т. 40 (1865), отд. 1, № 42136. – С. 540–559.
47. Хайрлапова, М. М. Организация добычи соли на Баскунчакском озере Астраханской губернии во второй половине XIX в. / М. М. Хайрлапова // Исторический журнал: научные исследования. – 2020. – № 5. – С. 168–179. – doi: 10.7256/2454-0609.2020.5.33810.
48. Хайрлапова, М. М. Организация соляного дела в Астраханской губернии на рубеже XIX–XX вв. (на примере Басинских соляных озёр) / М. М. Хайрлапова, Т. В. Юдина // Вопросы истории. – 2022. – № 5–2. – С. 78–88. – doi: 10.31166/VoprosyIstorii202205Statyi52.
49. Шульц, А. Взгляд на Каспийские рыбные и тюленьи промыслы / А. Шульц // Труды Астраханского губернского статистического комитета. – Астрахань : Губернская типография, 1874. – Вып. 3. – С. 1–42.
50. Юдин, П. К истории астраханского рыболовства / П. Юдин // Наш край. – 1925. – № 7. – С. 58–69.

References

1. Amaeva, D. V. *Izmeneniya v kalmytskom kochevom obshchestve v pervoy polovine XIX veka kak vektor transformatsii povsednevnoy zhizni* [Changes in Kalmyk nomadic society in the

first half of the 19th century as a vector of transformation of everyday life]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2014, no. 6, p. 1492.

2. Badmaeva, E. N. K voprosu o prirodno-klimaticheskikh faktorakh i perekhode na osedlost kalmykov-kochevnikov (1920–1930-e gg.) [On the issue of natural and climatic factors and the transition to sedentism of Kalmyk nomads (1920–1930s)]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 2 (75), pp. 102–111. doi: 10.54398/1818510X_2023_2_102.

3. Badmaeva, E. N., Batyrov, V. V. Transformatsiya zhilishcha kalmykov v usloviyakh ikh perevoda na osedlost v imperskiy i sovetSKIY periody [Transformation of the Kalmyks' home in the conditions of their transfer to sedentarism in the imperial and Soviet periods]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue]. 2023, vol. 12, no. 5, pp. 409–426. doi: 10.24224/2227-1295-2023-12-5-409-426.

4. Badmaeva, E. N., Omakaeva, Ye. U. Kochevanie i sedentarizatsiya nomadov Evraziyskoy stepi vo vtoroy polovine XVIII – pervoy polovine XIX vv. [Nomadism and sedentarization of nomads of the Eurasian steppe in the second half of the 18th – first half of the 19th centuries]. *Nomadic Civilization: Historical Research*. 2022, vol. 2, no. 1, pp. 18–27. doi: 10.53315/2782-3377-2022-2-1-18-27.

5. Batyrov, V. V. Krizis sistemy sezonnykh perekochevok v XIX v. kak osnovnoy faktor perekhoda k poluosedlomu i osedlomu khozyaystvu [The crisis of the seasonal migration system in the 19th century. as the main factor in the transition to semi-sedentary and sedentary farming]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 2 (75), pp. 32–40. doi: 10.54398/1818510X_2023_2_32.

6. Belousov, S. S. Gosudarstvennaya vlast i rybackie poselki na zemlyakh kochevnikov v Severo-Zapadnom Prikaspii (vtoraya polovina XVIII–XIX vv.) [State power and fishing villages on the lands of nomads in the North-Western Caspian region (second half of the 18th – 19th centuries)]. *Bylye gody*. 2021, no. 16 (2), pp. 535–542. doi: 10.13187/bg.2021.2.535.

7. Belousov, S. S. Pereseleniya krestyan na pomeshchichi zemli v Severo-Zapadnom Prikaspii (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX vv.) [Resettlement of peasants to landowners' lands in the North-Western Caspian region (second half of the 18th – first half of the 19th centuries)]. *Bylye gody*. 2021, no. 16 (3), pp. 1124–1131. doi: 10.13187/bg.2021.3.1124.

8. Belousov, S. S. Samovolnye pereselencheskie rybatskie poselki na kalmyckikh zemlyakh (vtoraya polovina XVIII–XIX v.) [Unauthorized resettlement fishing villages on Kalmyk lands (second half of the 18th–19th centuries)]. *Oriental Studies*. 2021, vol. 14, no. 4, pp. 685–696. doi: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-685-696.

9. Borodin, N. A. *Kaspiysko-Volzhskoe rybolovstvo i ego ekonomicheskoe znachenie* [Caspian-Volga fishing and its economic significance]. St. Petersburg: Tipografiya Kirshbauma; 1903, 96 p.

10. Vinogradov, S. V., Eshchenko, Yu. G., Krasnozhonova, Ye. Ye., Kulakova, N. I. Transformatsiya gosudarstvennoy modeli regulirovaniya trudovoy migratsii na okrainnye territorii Rossiyskoy imperii v XIX v. (na primere Volgo-Kaspiyskogo rybolovnogo rayona) [Transformation of the state model for regulating labor migration to the outlying territories of the Russian Empire in the 19th century (on the example of the Volga-Caspian fishing region)]. *Bylye gody*. 2023, no. 18 (3), pp. 1263–1274. doi: 10.13187/bg.2023.3.1263.

11. Vinogradov, S. V., Eshchenko, Yu. G., Saveleva, Ye. V., Likholet, O. V. Problemy osvoeniya okrainnykh rossiyskikh territoriy v XVIII v.: poisk strategii (na primere Volgo-Kaspiyskogo rybolovnogo rayona) [Problems of development of marginal Russian territories in the 18th century: search for a strategy (on the example of the Volga-Caspian fishing region)]. *Bylye gody*. 2022, no. 17 (4), pp. 1564–1574. doi: 10.13187/bg.2022.4.1564.

12. Vinogradov, S. V., Kulakova, N. I. Formirovanie i razvitie promyshlenno-promyslovykh klasterov Volgo-Kaspiyskogo rybolovnogo rayona v 1861–1914 gg. [Formation and development of industrial and fishing clusters of the Volga-Caspian fishing region in 1861–1914]. *Nauchnye trudy Dalrybvtuza* [Scientific works of Dalrybvtuz]. 2023, vol. 64, no. 2, pp. 30–38. doi: 10.48612/dalrybvtuz/2023-64-03.

13. Voronova, A. A. Kuzmina, I. V. K probleme zaseleniya Severnogo Prikaspiya v XIX – nachale XX v.: p. Lagan [On the problem of settling the Northern Caspian region in the 19th – early 20th centuries: Lagan settlement]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 1 (70), pp. 9–15. doi: 10.54398/1818-510X_2022_1_9.

14. Vysochayshe utverzhdennoe Polozhenie Komiteta ministrov “O dozvolenii lova seldi v nizovyakh reki Volgi plavnymi setyami” ot 10 aprelya 1896 g. [The highest approved Regulation of the Committee of Ministers “On permission to fish herring in the lower reaches of the Volga River with floating nets” dated April 10, 1896]. *PSZRI*. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya; 1899, collection 3, vol. 16 (1896), part 1, no. 12737, p. 270.

15. *State Archive of the Astrakhan Region (GAAO)*. Found 1, inventory 13, case 200.

16. *GAAO*. Found 194, inventory 1, case 22.

17. *GAAO*. Found 194, inventory 1, case 646.

18. GAAO. Found 194, inventory 1, case 659.
19. GAAO. Found 194, inventory 1, case 966.
20. GAAO. Found 194, inventory 1, case 987.
21. GAAO. Found 194, inventory 1, case 1040.
22. GAAO. Found 194, inventory 1, case 1125.
23. GAAO. Found 194, inventory 1, case 1162.
24. GAAO. Found 673, inventory 1, case 5.
25. GAAO. Found 673, inventory 1, case 7.
26. GAAO. Found 673, inventory 1, case 8.
27. GAAO. Found 675, inventory 1, case 16.
28. GAAO. Found 677, inventory 1, case 624.
29. GAAO. Found 677, inventory 7, case 196.
30. Eshchenko, Yu. G., Krasnozhenova, Ye. Ye. Problemy obustroystva volnykh migrantov v Volgo-Kaspiyskiy rybolovnyy rayon v poreformenny period [Problems of settling free migrants in the Volga-Caspian fishing region in the post-reform period]. *Voprosy istorii*. 2023, no. 5 (2), pp. 30–43. doi: 10.31166/VoprosyIstorii202305Statyi46.
31. Zikov, F. P. Astrahanskije morskije lovtsy v proshlom i sovremennoe ikh polozenie (istoriko-statisticheskiy ocherk) [Astrakhan sea fishermen in the past and their current situation (historical and statistical essay)]. *Astrakhan i Astrakhanskiy kray* [Astrakhan and Astrakhan region]. Astrakhan: Kommunist; 1924, collection 1, pp. 119–150.
32. Kisilevich, K. A. K lovetskomu voprosu [On the fishing issue]. *Nash kray* [Our land]. 1924, no. 1, pp. 1–64.
33. Kisilevich, K. S. Rybnaya promyshlennost [Fishing industry]. *Nash kray* [Our land]. 1924, no. 2, pp. 5–16.
34. Klykov, A. A. *Kratkiy slovar rybackikh slov* [A short dictionary of fishing words]. Moscow: Pishchevaya promyshlennost; 1968, 120 p.
35. Komandzhaev, A. N. Izmeneniya v khozyaystvennoy kulture kochevnikov Prikaspiya v XIX – nachale XX v. [Changes in the economic culture of the Caspian nomads in the 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Prikaspiya: arkheologiya, istoriya, etnologiya* [Bulletin of the Caspian region: archeology, history, ethnology]. 2012, no. 3, pp. 141–147.
36. Komandzhaev, A. N. Kochevoe khozyaystvo kalmykov: istoricheskiy opyt i sovremennoe zvuchanie [Nomadic economy of the Kalmyks: historical experience and modern meaning]. *Yekonomicheskaya istoriya* [Economic history]. 2011, no. 4 (15), pp. 22–25.
37. Komandzhaev, A. N., Andropov, A. N. Razvitiye selskogo khozyaystva v Kalmykii vo vtoroy polovine XIX v. [Development of agriculture in Kalmykia in the second half of the 19th century]. *Vestnik Kalmyckogo universiteta* [Bulletin of Kalmyk University]. 2013, no. 1 (17), pp. 56–63.
38. Kuzmina, I. V. Arenda zemli v strukture krestyanskogo khozyaystva v Nizhnem Povolzh'e vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. [Land rent in the structure of peasant farming in the Lower Volga region in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: Politics, Economics, Culture]. 2016, no. 2 (47), pp. 47–55.
39. Lebedev, K. N. *O kaspiyskom rybolovstve* [About Caspian fishing]. St. Petersburg: Tipografiya Shtaba Otd. korpusa vnutr. Strazhi; 1863, 132 p.
40. Migulin, P. P. *Russkiy gosudarstvennyy kredit (1769–1899). Opyt istoriko-kriticheskogo obzora* [Russian state credit (1769–1899). Experience of historical-critical review]. Kharkov: Pechatnoe delo; 1900, vol. 2, 578 p.
41. Nikolskiy, A. M. *Astrakhanskije morskije lovtsy. Statistiko-ekonomicheskoe opisaniye* [Astrakhan sea fishers. Statistical and economic description]. St. Petersburg: Morskoe ministerstvo; 1898, 178 p.
42. Omakaeva, Ye. U., Badmaeva, E. N. Rol prirodno-klimaticheskogo faktora v istorii i kulture kochevykh obshchestv Tsentralnoy Azii: fenomen pogody [The role of natural and climatic factors in the history and culture of nomadic societies of Central Asia: the phenomenon of weather]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: Politics, Economics, Culture]. 2023, no. 2 (75), pp. 145–151. doi: 10.54398/1818510X_2023_2_145.
43. Pell, F. A. *Sinemorskie rybolovnye promysly* [Sinemorsky fisheries]. Astrakhan: Tipografiya Roslyakova; 1895, 248 p.
44. Polonskiy, G. D. Rabota feldsherskikh punktov na Astrakhanskikh rybnykh promyslakh [Work of paramedic stations in the Astrakhan fisheries]. *Rybnoe delo* [Fishing business]. 1898, no. 14, pp. 246–248.
45. *Protokoly Komiteta Kaspiyskikh rybnykh i tyulenikh promyslov: v semi chastyakh* [Minutes of the Committee of the Caspian Fishing and Seal Fisheries: in 7 parts]. Astrakhan: Parovaya novaya russkaya tipografiya; 1894, part 5, 178 p.

46. Ustav Kaspiyskikh rybnikh i tyulenikh promyslov ot 25 maya 1865 g. [Charter of the Caspian fisheries and seal industries of May 25, 1865]. *PSZRI*. St. Petersburg: II Otdeleniye Sobst. E. I. V. Kantselyarii; 1867, collection 2, vol. 40 (1865), otd. 1. no. 42136, pp. 540–559.

47. Khayrlapova, M. M. Organizatsiya dobychi soli na Baskunchakskom ozere Astrahanskoj gubernii vo vtoroy polovine XIX v. [Organization of salt production on Lake Baskunchak, Astrakhan province in the second half of the 19th century]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya* [Historical journal: scientific research]. 2020, no. 5, pp. 168–179. doi: 10.7256/2454-0609.2020.5.33810.

48. Khayrlapova, M. M., Yudina, T. V. Organizatsiya solyanogo dela v Astrahanskoj gubernii na rubezhe XIX–XX vv. (na primere Basinskih solyanikh ozer) [Organization of salt production in the Astrakhan province at the turn of the 19th–20th centuries (using the example of the Basinsky salt lakes)]. *Voprosy istorii*. 2022, no. 5–2, pp. 78–88. doi: 10.31166/VoprosyIstorii202205Statyi52.

49. Shults, A. Vzgljad na Kaspiyskie rybnye i tyuleni promysly [A look at the Caspian fisheries and seal fisheries]. *Trudy Astrakhanskogo gubernskogo statisticheskogo komiteta* [Proceedings of the Astrakhan Provincial Statistical Committee]. Astrakhan: Gubernskaya tipografiya; 1874, iss. 3, pp. 1–42.

50. Yudin, P. K istorii astrakhanskogo rybolovstva [On the history of Astrakhan fishing]. *Nash kraj* [Our region]. 1925, no. 7, pp. 58–69.

Информация об авторах

***Виноградов С. В. – доктор исторических наук, профессор;
Кулакова Н. И. – кандидат исторических наук.***

Information about the authors

***Vinogradov S. V. – Doctor of Historical Sciences, Professor;
Kulakova N. I. – Candidate of Historical Sciences.***

Вклад авторов

Виноградов С. В. – научное руководство, разработка концепции исследования, написание исходного текста, сведение данных, итоговые выводы;

Кулакова Н. И. – работа в архиве, обработка и представление материалов источников, доработка текста, итоговые выводы.

Contribution of the authors

Vinogradov S. V. – scientific management, development of the research concept, writing the source text, data collation, final conclusions;

Kulakova N. I. – work in the archive, processing and presentation of source materials, revision of the text, final conclusions.

Статья поступила в редакцию 05.06.2023; одобрена после рецензирования 21.06.2023; принята к публикации 30.06.2023.

The article was submitted 29.05.2023; approved after reviewing 15.06.2023; accepted for publication 30.06.2023.